

В маленьком, но замысловатом дворике была комната с задернутыми шторами. В комнате служанка смотрела на женщину с бледным лицом, лежащую на кровати. У первой было настойчивое выражение лица, когда она сказала: «Госпожа, пожалуйста, поешьте. Акушерка говорит, что вы можете родить в любой момент, но вы не ели столько дней; так продолжаться не может».

Миранда лежала на кровати с выпуклым животом, и выглядела так, будто она действительно собиралась родить в любой момент. Однако ее опухшее лицо было чрезвычайно бледным, и она слабо открыла глаза, чтобы взглянуть на миску с кашей, которую держал слуга. Одного вида каши было достаточно, чтобы она вздрогнула и стала ужасно мучиться, и она снова закрыла глаза и покачала головой. «Я ничего не могу есть. Унеси это».

Она знала, что должна есть для своего ребенка, но просто не могла этого сделать.

Что бы она ни ела, как только еда попадала ей в рот, ее начинала рвать, пока в ее желудке ничего не оставалось, и она не могла даже проглотить ни единой ложки белой каши.

Ничего подобного раньше не случалось, даже когда она носила Ангуса.

Вспоминая опасные роды Ангуса, акушерка сказала ей, что у нее больше никогда не будет ребенка. В противном случае это была бы ее смерть.

Однако она не сказала об этом Джоршу. Она хотела подарить ему дочь, даже если взамен это означало пожертвовать собственной жизнью.

— Но... — Слуга хотел сказать что-то еще. Прямо в этот момент живот Миранды внезапно вздрогнул, и на ее лице появилось болезненное выражение, когда она съежилась, как креветка. Она изо всех сил ухватила за каркас кровати, чтобы не поранить ребенка в животе во время сильных конвульсий, и стонала от боли, когда холодный пот заливал ее мертвенно-бледное лицо.

— Госпожа! — Слуга поспешно отставила миску с кашей, прежде чем поспешить на помощь Миранде. Однако она не знала, что делать, и могла только кричать: «Помогите! Наша хозяйка вот-вот родит!»

Двери комнаты были быстро распахнуты снаружи, и в комнату вошла пара пожилых женщин. Одна из них схватила одной рукой Миранду за руку, а другой рукой нежно погладила Миранду по животу.

Волнение в животе Миранды постепенно утихло, и ее болезненное выражение лица значительно уменьшилось. Однако после этого испытания ее лицо побледнело еще больше, и она действительно была в плохом состоянии.

Две акушерки посмотрели на Миранду, а затем переглянулись, прежде чем издать общий печальный вздох и покинуть комнату.

За дверью собралось много людей. Парбор крепко держал Пармера за руку, в то время как Ангус рыдал в руках служанки. Все слуги собрались для коллективной молитвы за свою добрую и великодушную хозяйку.

У отца Джорша, старика Уильямса, было мрачное выражение лица. Присутствовали также некоторые важные фигуры семьи Уильямс, и когда акушерки вышли из комнаты, он немедленно поспешил к ним с тревогой на лице. «Ребенок родился?»

— Еще нет, Мастер. Ее матка сокращается, а это значит, что ребенок вот-вот родится, но... — Голос акушерки затих на середине ответа.

— Что такое? — Спросил старик Уильямс.

Акушерка на мгновение заколебалась, прежде чем ответить: «У хозяйки живот намного больше, чем у средней женщины на этом этапе беременности, поэтому этот ребенок, скорее всего, будет больше, чем средний ребенок. Проблема в том, что хозяйка сейчас очень слаба, а это ее четвертые роды, так что, скорее всего, ей будет очень сложно родить благополучно...»

Услышав это, все выражения лиц людей во дворе изменились. Все знали, что в этот раз беременность Миранды была довольно тяжелой. Когда она в прошлый раз родила Ангуса, она чуть не умерла в результате, но оказалось, что эта беременность будет еще более опасной, чем ее последняя.

— Что ты хочешь этим сказать? — Старик Уильямс уже знал ответ на этот вопрос, но он все еще отчаянно хватался за соломинку, пытаясь найти лучик надежды.

Другая акушерка с серьезным выражением лица ответила: «Учитель, сейчас никому не будет никакой пользы, если я приукрашу свои слова. В ее нынешнем состоянии нет никаких шансов, что и хозяйка, и ее ребенок переживут эти роды. Перед следующим сокращением матки мы должны принять решение о спасении родителя или ребенка».

Все обратили внимание на старика Уильямса. Это было чрезвычайно жестокое решение для любого, и все вокруг него выражали сочувствие на лицах. — Мама! — На глаза Пармера сразу же навернулись слезы.

— Большой брат, мама собирается родить нам сестренку? — спросил Парбор, глядя на Пармера с нетерпением в глазах.

Пармер посмотрел на Парбора, и он с силой подавил собственные рыдания, кивнул и ответил: «Да, мама собирается... Она собирается родить для нас сестренку...»

— Замечательно! Я бы хотел сестренку! — На лице Парбора появилась улыбка, но она быстро исчезла, когда на его лице появилось озадаченное выражение. «Но... почему ты плачешь, Большой Брат?»

Старик Уильямс отшатнулся, и ему удалось удержаться в вертикальном положении только оперевшись на дерево. Он повернулся к комнате, в которой находилась Миранда, и его глаза наполнились болью и нерешительностью. Он огляделся, прежде чем вспыхнуть от ярости. «Где, черт возьми, Джорш? Куда он делся?»

— Это... Молодой хозяин сказал, что уходит ненадолго, но он не сказал, куда он идет... — Ответил дворецкий.

Акушерка призвала: «Мастер, мы должны принять решение прямо сейчас. Если мы продолжим так откладывать, и хозяйка, и ее ребенок будут в опасности!»

— Я... Я... Если я приму это решение, Джорш будет ненавидеть меня до конца своей жизни... — Старик Уильямс тяжело вздохнул, ударив кулаком по дереву рядом с ним.

Некоторые из младших слуг во дворе уже зарыдали. Миранда была такой доброй и теплой, и относилась к ним как к семье.

Горе казалось заразительным, и вскоре даже Ангус рыдал во все горло.

Старик Уильямс повесил голову, как сломленный человек, не в силах принять решение.

Больше никто не осмеливался сказать что-либо, и они могли только печально вздыхать от этого несчастья.

Две акушерки бессознательно подпрыгивали с настойчивыми выражениями лица, ожидая решения старика Уильямса. Они были акушерами несколько десятилетий и сталкивались с подобными ситуациями в прошлом. В таких ужасных обстоятельствах приходилось делать выбор. Если приговор будет вынесен слишком поздно, и мать, и ребенок могут умереть вместе.

Как только внутренний двор погрузился в полную тишину, из комнаты раздался слабый, но решительный голос Миранды. «С... Спаси ребенка! Отец... Ты должен спасти ребенка... Я чувствую, что это дочь; Джорш всегда хотел дочь».

Женщины во дворе не могли больше сдерживать себя, разрыдавшись, и даже мужчины вытирали слезы, отворачиваясь.

— Мама! Не бросай нас! Мама... — Пармер выпустил руку Парбора, когда он бросился и упал у входа в комнату, рыдая изо всех сил.

— Эх... — Старик Уильямс тяжело вздохнул и стал стучать по грубой коре дерева, пока из его суставов не потекла кровь. Он взглянул на акушерку и прохрипел: «Спасите ре...»

— Даже если мы сможем спасти только одного, мы должны спасти Миранду!

Громкий голос внезапно раздался снаружи, как раскат грома. Лоб Джорша заливался потом, когда он ворвался во двор своим полным телом. В его руках была большой глиняный горшок, когда он зашагал к комнате и крикнул: «Открой дверь, Пармер!»

— Отец! — Лицо Пармера посветлело, он с трудом поднялся на ноги, прежде чем изо всех сил распахнуть двери.

Джорш ворвался в комнату с глиняным горшком в руках, прежде чем оценить полубессознательную Миранду с болезненным, но любящим выражением лица. «Я вернулся, Миранда!»